

Родилась и живёт в Петрозаводске. Окончила Карельский государственный педагогический университет. Кандидат филологических наук. С 2007 года работает в редакции журнала «Север». Литературовед, текстолог, методист, редактор.

Автор двух книг документальной прозы. Пишет рассказы. Публиковалась в научных изданиях, а также в журналах «Север», «Роман-газета».

ЧАДО МАРИИНО

...Не как Я хочу, но как Ты.

Мф. 26:39

Рассказывают, давным-давно один грек нарисовал на доске Марию – ту, что потеряла сына. Тогда-то вся она и обратилась в слух. Весть о том, что Мария слышит каждого и дарует утешение, полетела по миру. Страждущие устремлялись к ней, лики её рассеялись по всему свету. И к ним потянулись люди, они несли свои печали и просили милости. Тысячи языков, миллионы голосов, но не было тех, кого она не услышала, – ни одно слово не ускользнуло от её ушей. Воззвавший выговаривал то, что камнем тянет душу, а Мария слышала сокровенное – о чём умолчал.

К Марии – той, чей лик давно на стене одной церквушки посреди заброшенного кладбища, – по воскресеньям два года приходила женщина и несла ей свою печаль. Звали её Маргарита. Она стояла перед Марией – так нищие стоят с протянутой рукой – и просила утешения, а та внимала стонущему сердцу.

О чем Ты думала, Мария? О чем молчала?

Та женщина, Маргарита, говорила, что был у неё сын, прощенный и единственный. А потом – двадцати лет – умер. Женщина смотрела на печальную Марию – краски на лице потемнели от времени – и плакала, изливая своё горе. Между мысленной жалобой и молитвой срывался с губ срывался вопрос: «Почему Господь его не спас?»

Мария слушала и молчала – в Маргаритиной печали она узнала свою. Но знала и другое...

* * *

В тот год весна непривычно рано ворвалась в маленький северный город. Солнце оплавляло наледь на крышах, тёплый ветер свистал вдоль узких улиц с покосившимися, довоенными еще домами. По деревянным настилам, поглядывая в небо с высившимися поодаль подъёмными кранами, шёл парень. В одной руке – обшарпанный чемоданчик, в другой – скинутое с плеч полупальто. Любопытные со всех сторон липли взглядами к чужаку: стремительный, залётный, в стройотрядовской

куртке с нашивками, шевронами, значками. На такого только слепой не попятится. И откуда взялся в этих краях? Разве тем мартовским ветром и занесло.

В гостинице, потерявшейся в одном из обветшалых переулков, умылся, причепурился, надел достанный из чемодана новый кримпленовый костюм. Со стороны поглядеть – то ли жених, то ли артист. Да и на свадьбу не каждому в этих краях такой костюм находился. Одно слово – чужак. Удивив буфетчицу невиданным здесь шиком, посетитель выпил в гостиничном кафе чаю и отправился в отдел кадров.

Прибыл он на строительное предприятие по распределению – новый мастер. Совсем зелёный – только-только институт окончил, но, как рекомендовала выпускная комиссия, перспективный, толковый. Оформили его быстро, ключи от комнаты в общежитии выдали и в первый же день направили на участок – знакомиться.

Работяги сначала косились настороженно – что за хлыщ прибыл? Но день за днём потихоньку наладилось. Оказалось, дело своё новый мастер знает, к мужикам – по-свойски уважительно – на «ты» и по отчеству. А с начальниками держался на равных. Материалы на стройку выбивать ездил лично, своих в обиду не давал. К тому же язык подвешен, но не пустослов: было о чём рассказать – студентом помотался по Союзу, каждое лето на большие стройки выезжал. Так за пару месяцев стал здесь Коля – Николай Иванович своим. А костюм тот пижонистый прибрал до лучших времён.

Парень был яркий, улыбчивый, чувствовалась в нём уверенность и столичный лоск. Конечно, женщинам такой нравился. А он одной подмигнёт, другую при случае за талию приобнимет, третьей пальто поможет надеть или дверь придержит. Вроде и со всеми, а ничей. По крайней мере, о шашнях его не шептались – всерьёз повода не давал. Манкий, обходительный – весенний ветер: подразнит теплом, а не обогреет. Не планировал он в этих краях задерживаться – ждал место поближе к столицам.

На женские притязания отшучивался: с друзьями, мол, договорились до тридцати лет не жениться, а предаваться искусству любви. Звучит витиевато, но понять можно по-разному. У мужчин «искусство любви» – одно, а у женщин – другое. И это ещё вопрос: чьё перешибёт. Так что девчонки надежды не теряли...

Маргарита из бухгалтерии тоже на него запала. Хотя куда ей? На восемь лет его старше. Коренастая, темноликая – как гриб из земли и всполох жгучих глаз под тяжелым надбровьем. Правда, на ногах стояла крепко. Незамужняя, а к тридцати годам, подсуетившись где надо, квартиру себе выхлопотала, обставила – заработки в бухгалтерии были хорошие. Однушка, но и на том спасибо, больше ей бы не дали.

Впервые увидела она Николая в столовой – полыхнула тёмным взглядом и пропала. Лицо его стояло перед глазами, будто раньше мужчин не видала.

На самом деле так, да не совсем. В техникуме на первом курсе вроде приглянулась она одному... Обнимал, всем телом прижимался, а целовал на прощание – в щечку. Чувствовала Ритка: и рядом он, а не с нею. Решилась: уступила – на ночь у себя в комнате оставила, когда соседки на каникулы разъехались. Так недели две он у неё ночевал, а потом пропал. Разыскала она его, следом ходила – за рукав хватала. Терпел он сначала, довольный, отшучивался, но время тянется, а она не отстаёт – надоело. Сгоряча нагрубил, обозвал. Почернела Ритка, сгорбилась,

будто камень на спину положили – ещё глубже в землю ушла. Так и жила потом тише воды, ниже травы, – одна.

Про Колю она никому не открывалась, да и некому: подруг не заводила. Глядела Ритка на него смущенно исподлобья, встретит по работе – поздоровается, больше ничего. Липла к нему мыслями – не отодрать, как наваждение нашло. В столовой улучила момент: тайком схватила скомканную салфетку с его подноса. Гладила кончиками пальцев клочок тонкой бумаги, Колиными губами припечатанный, при себе носила в кошельке – поглупела Ритка от любви.

Узнала, что по субботам бывает он на танцах, – тоже стала в Дом культуры наведываться. Стоит в полумраке за колонной – едва дышит. А он – ветер – то мимо пролетит, то голос его донесётся. Ловит Ритка каждый миг: не крепко ли прижимается, не слишком ли громко залиვაётся довольная партнерша. Мысли ревнивые – тугими кольцами вокруг шеи, дышать тяжело.

А однажды повезло ей. Праздник был в августе – День строителя. Ребята сначала в общежитии отметили, потом – на танцы. Там крепко портвейном добавили, и Коля с ними. Ритка набралась смелости, поближе держалась. К ночи компания редеть стала: разбрелся народ кто куда. Коля с ребятами – к общаге, Ритка – следом. Остальные вперёд ушли, а Коля в сквере по нужде за куст отлучился. Вернулся на дорожку, ширинку застёгивает. И Ритка тут, бормочет что-то, улыбается. Смотрит на неё Коля мутным взглядом, шагнул поближе, руку на талию ей положил. Дыхнул на Ритку сладковатым ароматом спелых плодов. Рядом – нездешний: кожа южным солнцем целованная, и волосы тёмные, обласканные тёплыми ветрами. Заволновалась Ритка, грудь вздымается, дыхание горячее – щекочет ножичком по Колькиной шее. Свесил голову, в щеку ей неловко ткнулся носом – сокровище залётное.

Сообразила Ритка, что до дома её всего ничего. Ерунду всякую неслала, убалтывала, так и завела к себе домой. Провернула ключ изнутри, в неосвещенной прихожей прижалась она к нему всем телом, жадно впиалась губами в хмельной рот. Он и не против, придержал её за грудь. Провела его Ритка в комнату, подтолкнула на разложенный диван.

Проснулся Коля с рассветом. Голова тяжелая. Огляделся – куда попал, узнал тёмную бухгалтершу, стало в памяти проясняться. Стыдно ему, неловко. Уловив движение под боком, и Ритка глаза открыла. Жмётся к нему голой грудью и руки по-хозяйски ползут по жилистому бедру. Отстраняется он, а она прильнула, и как током – твёрдые горошины сосков по горячему мужскому телу. Тяжело дышать, будто давит кто. Не утерпел Колька – оглушённый, привалился на крепко сбитую Ритку.

Отныли своё пружины дивана. Отодвинулся он от неё, сел и, подхватив с пола брошенные у дивана брюки, сунул ноги в штанины. Тут же вскочила и хозяйка, засуетилась, к холодильнику метнулась: стакан рассола ему, чайник на плиту – ластится, с ног сбилась.

Отвяжись ты, ничего не надо! Обронит Колька слово, головой мотнёт, а сам взгляд отводит. Ушёл без оглядки, торопливо отстучав по лестнице каблуками; уличной дверью гроыхнул на весь подъезд.

Ждёт Ритка, что появится, – день, два, неделя к концу идёт. Как назло, и по работе нигде не пересекались. Подловила Колю в субботу в сквере. Стоит он, прячет взгляд – глаза б на неё не смотрели, не мила, вина навалилась. Сели на лавочку. Всё Ритка без слов поняла – со второго раза

легче доходит. Плачет она, говорит ерунду всякую, волнуется. Улучила момент, когда прохожих поблизости не было – схватила его за запястье, Колину ладонь на бедро себе кладёт и грудь под тонкой тканью платья вздымается. И не хотел бы Коля, а руки всё помнят. Не видит он уже лица её, будто глаза застило, а изнутри распирает – сам себе не хозяин. Но вырвался от неё, ушёл по аллее – стыдливо, не оглядываясь.

Маялся до вечера: знать бы Ритку не знал, но хлебнул бабьей плоти – оглушило ему разум. Не устоял, пришёл под самую ночь... Так и стал захаживать – «из любви к искусству», а днём делал вид, что едва знакомы.

Ритка и рада, а потом и не рада. Вот он рядом лежит: тело смуглое, южное, глаза синие – получила. Любуется на свой девичий секретик, а показать никому нельзя. Могла бы, так носила бы такое сокровище за пазухой, ближе к сердцу, а иногда хвалилась – вот у меня что есть, но только вам о таком и не мечтать. Ей бы с таким под ручку пройтись вечером, выгулять, как новые туфельки – каблучками звонко простучать и чтоб все посмотрели. Вот, мол, какого отхватила! Но нет. Колька и утра не ждёт, встанет посреди ночи и уходит – никакой силой не удержать, ни уговорами, – и не слышит он её. По-Риткиному выходит, хорошо Коля устроился – пользуется. По-Колькиному – сама хотела.

Мается Ритка. Мысли давят. Хуже других, что ли? Хотелось как у всех: сытый окатистый муженёк, карапуз румяный. Изливалась Маргаритина тоска за долгие годы одинокие: дочь Евина, а жизни не дала. Могла бы – повязала б ему руки-ноги солёными слезами, да хоть своими волосами б опутала, напустила б на него тоску, печаль, страдание.

А ему хоть бы что. Мыслимое ли дело – пленить ветер?

В ту пору снился Ритке сон. Видела младенца – маленький Коля, смуглый, синеглазый. И так хотелось ей схватить его, сокровище такое, прижать к груди и уберечь ото всех земных мытарств. Упрятать бы, как куколку, в кокон замотать, ближе к сердцу, окутать его своим теплом, как покровом.

Тайком, чтоб не видел никто, захаживала Ритка в церковь. Поблескивали в полумраке глаза её, губы торопливо, горячо перебирали слова: как умела, просила чадо. Из темноты, склонив голову, смотрела на неё печальная Мария. Не видела Ритка Её глаз – только младенца на руках, и каждая думала о своём.

Да мыслимое ли дело – просить душу, чтобы удержать тело?

Время шло – месяц, второй. Вымоталась Ритка. Днём ходит мрачнее тучи, вечером после работы бьётся она в слезах, душа как сосуд пустой, а под ночь как ни в чём не бывало опять ждёт заветного звонка в дверь: хоть на час, а властительница.

По осени поехала на выходные к родне в деревню. Видит бабка: Ритка её совсем чёрная, сохнет девка, взгляд неживой. Всё выспросила, вывела на чистую воду. И выла перед ней Ритка белугой, утробно по-бабьи, всем нутром тяжесть изрыгала. Взясась бабка Ритку править на солёной слезе. Шепчет, шамкает, шуршат слова змеиным шорохом. К вечеру докрасна натопила баню, увела Ритку. Купала она её, парила, воду на камень лила. И снова слово за слово выговаривала.

Успокоилась Ритка, вроде как и взгляд прояснился. Вернулась домой в город. По-прежнему всё с Колей пошло. Вскоре поняла, что затяжелела. Радовалась Ритка, но ото всех таила. Месяца три скрывала, а потом

вывалила Коле. На-ка, выкуси! Сжалился, выходит, Господь, послал душу! Заперла Кольку в своей утробе – на всю жизнь теперь в связке.

Почернел Колька, похудел. Смуглый был южной тёплой бронзой, а стал совсем как грач. Бежал бы куда глаза глядят – по свету ветром. Зато Ритка спину распрямила, важная ходила, выкатив едва округлившийся живот. Косились на неё с подозрением знакомые, шептались. А она знала: Колька в утробе сидит. Её он теперь навеки и никуда не денется – до гробовой доски.

Выпивать стал Николай, издёргался – не знал, как поступить. Бросил, выходит, семя в северную землю – корни пустило. От себя не убежишь. Тянуть дальше некуда, пузо у Ритки на нос лезет. Расписались, а родню на свадьбу Коля не позвал – да никого не позвал.

В срок сын родился – Николай Николаевич – синеглазый, золотистый, далёким южным солнцем поцелованный, правда, хиленький.

И наследник отцу не в радость. К спиртному теперь старший Колька часто прикладывался, напивался крепко.

Злилась Ритка, бушевала, скандалила – не за выпивоху она замуж выходила. Кричала: «Вот ты где у меня!» – суёт кулак в лицо. Стоит Коля виноватый с опущенной головой, глаз на неё не поднимет. Слышит ли, не слышит?.. А Ритка ещё больше заводится, остервенелая. Вроде её Колька. Её! А управы на него нет.

Так и жил он отстранённо – не здесь, не с ними. До ночи на работе пропадал, с мужиками болтался, в выходные мог и дома не ночевать. Чуял Колька: деваться некуда и томился – душа в клетке, клетка в теле, а тело при тёмной Ритке.

Бабка её из деревни приезжала, слонялась по квартире, опять шептала, плевала по углам, что-то поддельвала. А кукиш – Колька ещё крепче выпивать стал. Сам себе не хозяин, и никто ему не хозяин.

Сыну два года исполнилось. В июле Коля в отпуск вышел и запил по-чёрному, две недели без просыху, с кем-то болтался – неизвестно где ночевал. Вернулся домой – выоралась Ритка, психанула, с сыном уехала на выходные к бабке в деревню.

А Коля-старший в городе остался. Сердцем слабел – рюмкой здоровье поправлял. В первых числах августа улучил момент – выскользнула душа вон. Не стояла на пороге, не медлила – выпорхнула вольной птицей из клетки. Вот тебе, Ритка, тело – властвуй. А самого нет его здесь – не ищи. Помнят половицы поступь, помнит постель его запах, а нет здесь как не было.

Вернулась Ритка через день, нашла его на диване. Трясла за плечо, била по щекам. Когда дошло до неё, что умер, взвыла она, выскочила на лестничную клетку – к соседям. Те скорую вызвали, милицию. Коленьку-младшего из квартиры увели, чтоб лишнего не видел.

На другой день разлетелась по городу весть о том, что Коля – Николай Иваныч – скоропостижно скончался.

Приходили к Ритке с работы, соболезнования говорили, хвалили Колю, добрым словом поминали. Слушала она, зареванная. Да, мол, он у меня такой, и кивала. Потом похоронная суета – чтобы не хуже, чем у других. Уже на кладбище стояла, скорбно поджав губы – с важным своим горем, степенная, чинная. Зато вдова – Николая Иваныча вдова она! А беглец лежал в гробу с ухмылкой на губах в том самом костюме пжонистом – ничей!

Только остался ей трофей – сын – Колька-младший.

Овдовев, сына растила одна. Мальчик рос слабенький. Хотя вроде ничем серьёзным и не болел, а всё равно задохлик. Тянется тонким ростком к солнцу, а без толку – корнями не укрепился. Коля рос у мамы под крылом, а сам к жизни мало приспособлен, опорой не стал.

Смотрел он нездешним взглядом – будто спрашивал: «Где я?» И время будто не его и место: распахнулись когда-то глаза эти миру, а пути ему не открылись. Да куда ему? Странненький такой, малахольный...

Школу худо-бедно окончил – восемь классов, пристроила мать его дворником к себе в строительное управление. Толку с такого работника мало, зато под присмотром. В свободные дни тащился вдоль железной дороги к мелководной речушке на окраине города. Там до ночи пропадал. Рыбалка никакая, но если высидит ерша или окушка – счастью, как у дурачка, нет предела. Часто пропадал там.

А как-то летом – двадцать лет ему было – засобирался опять на рыбалку, полез зачем-то на антресоли и грохнулся с табуретки, сильно ударился головой об угол. Сумел до тахты своей доползти, завалился, сознание потерял. К вечеру уже и ноги Колины остыли: ушиб вызвал обширное кровоизлияние в мозг.

Пришла мать с работы, смотрела на тело сына слепым взглядом и звала его, как маленького: «Колюшка! Колюшка!» Открыла окно, со двора выкрикала. Заметили соседи: Ритка как с ума сошла – видно, случилось что. Сами пришли к ней. И скорую, и труповозку вызывали.

На кладбище Ритка в могилу к сыну кидалась – закопайте, мол, вместе с Колюшкой. Вытащили. Отпаивали ее водкой.

– За что, Господи! – выла Ритка и тянула руки к гробу. Ополоумела от горя: нет теперь у неё ни Коли, ни Николая.

Бабка Риткина из деревни правнука хоронить приезжала, совсем уже дряхлая. Ходила-бродила опять по дому, шептала, отчитывала. До сорокового дня у Ритки жила, а после поминов к себе уехала.

Получила Ритка душу, получила и тело. Как принять чужую судьбу?

* * *

Два года – третий пошёл – вновь Маргарита направлялась в старую церквушку посреди заброшенного кладбища – несла Марии камнем навалившееся безмерное горе. Лицом к лицу, – и каждая видела в обречённом взгляде свою печаль.

Губы Маргариты чуть слышно выговаривали слова. Внимая каждому, Мария молчала, была в том безмолвии неизбежность.

Маргарита призывала Господа к ответу: «Почему Ты его не спас?» Мысленно она повторяла снова и снова, а порой забывалась, и слова в голос слетали с губ. «...Спас...» – стены возвращали ей.

Излив боль, Маргарита шла домой. «Почему Ты его не спас?.. Почему Ты его не спас?! – вопрошала, поднимая глаза к бесконечному небу. – Почему Ты его не спас?» – и сглатывала спазм в горле, пряча искалеченное утратами лицо от прохожих.

И всё ведающая Мария во мраке церковных стен плакала, потому что знала то, о чём Маргарита молчала. Маслянистые капли проступали на пресветлом лице.

А наутро к Марии пришли люди, говорили, что чудо...